

Глава 10. Не смей исчезать

Свет под дверью был похож на желтое лезвие.

Я стоял в коридоре, глядя на эту узкую полоску на темном ковролине, и чувствовал, как остатки адреналина после стычки на парковке превращаются в холодный, вязкий ужас. Мой разум отчаянно пытался найти рациональное объяснение. Забыл выключить лампу в прихожей? Нет, я никогда не забываю. Короткое замыкание? Техническая служба здания?

«Мое «нет» на парковке не было победой. Это была просто смена декораций».

Я сделал глубокий вдох, заставляя легкие наполниться воздухом. Бежать не имело смысла. От Хоумлендера нельзя убежать, от него нельзя спрятаться. Любая попытка отступления превратит меня в добычу, а его — в охотника. Если он решил перенести нашу игру на мою территорию, я должен был войти.

Я вставил ключ в замок. Щелчок прозвучал в тишине коридора оглушительно громко.

Дверь открылась, и я переступил порог.

Он был там.

Хоумлендер стоял посреди моей гостиной, заложив руки за спину. В тесном, обыденном пространстве нью-йоркской квартиры его фигура казалась гротескно огромной. Яркие, почти кислотные цвета его костюма и тяжелый красный плащ, спадающий на мой дешевый паркет, выглядели как сбой в реальности. В этом помещении не было ни софитов, ни камер, ни толпы. Только он, я и звенящая тишина.

Он медленно повернул голову в мою сторону. На его лице играла та самая мягкая, снисходительная улыбка, которую миллионы американцев видели на экранах своих телевизоров. Но в его глазах не было ни капли тепла.

— У тебя здесь довольно... аскетично, Эван, — произнес он. Его голос вибрировал в тесном пространстве, заполняя каждый кубический сантиметр комнаты. — Я ожидал увидеть что-то более личное. Больше фотографий. Какие-то трофеи. А здесь словно никто не живет. Номер в отеле, а не дом.

Я закрыл за собой дверь, но не стал снимать пальто.

— Что вы здесь делаете? — мой голос прозвучал ровно, хотя я чувствовал, как предательски дрожат пальцы. Я спрятал руки в карманы.

— Ты отказался от ужина, — пожал плечами Хоумлендер, делая медленный шаг к книжному стеллажу. — Сказал, что это нарушает твои правила. Я уважаю твои правила, Эван. Я отпустил тебя. Но я не говорил, что наш вечер закончен. Раз уж мы не пошли в ресторан, я решил, что мы можем провести время здесь.

Он провел пальцем по корешкам книг. Одно только его прикосновение к моим вещам вызывало тошнотворное чувство нарушения границ. Он демонстрировал абсолютную власть. Он показывал, что любая закрытая дверь для него — лишь формальность, иллюзия безопасности, которую он может развеять одним движением.

— Вы вторглись в мою квартиру, — сказал я, стараясь, чтобы это прозвучало как констатация факта, а не как обвинение. — Это моя личная территория. Покиньте ее.

Хоумлендер остановился. Его рука замерла на полке. Медленно, очень медленно он повернулся ко мне. Улыбка исчезла.

— Вторгся? — переспросил он с тихим, обманчивым интересом. — Эван, я никого не убил. Я ничего не сломал. Я просто вошел через балконную дверь. Замок оказался хлипким. Тебе стоит сказать арендодателю, чтобы поставил что-то посерьезнее. Хотя, от меня это, конечно, не спасет.

Он шагнул ко мне. Еще один. И еще. Пока не оказался так близко, что я почувствовал едва уловимый запах озона, всегда сопровождавший его после полетов.

Я заставил себя не отступать. Не делать ни шагу назад. Мои мышцы окаменели.

Хоумлендер склонил голову набок, прислушиваясь.

— Твое сердце, — прошептал он. — Оно бьется так быстро. Семьдесят, восемьдесят пять, сто десять ударов в минуту. Твои зрачки расширены. Ты боишься. Ты в ужасе. И все же... — он прищурился, вглядываясь в мое лицо. — Ты стоишь на месте. Ты требуешь, чтобы я ушел.

— Потому что это мой дом.

— Твой дом, — эхом отозвался он. Хоумлендер отвернулся от меня и прошел на кухню, словно продолжая экскурсию. Он открыл холодильник, заглянул внутрь, затем закрыл его с глухим стуком. — Бутылка воды, засохший лимон и контейнер с китайской едой. Ты совсем не заботишься о себе. Чем ты вообще питаешься, когда меня нет рядом?

— Я прошу вас уйти, — повторил я упрямо.

Хоумлендер резко развернулся. Пространство между нами словно сжалось. В мгновение ока он оказался прямо передо мной, нависая, подавляя своим авторитетом и физической мощью. Я

инстинктивно вскинул подбородок, чтобы смотреть ему в глаза, не опуская взгляда.

— Хватит, Эван, — его голос утратил всякий намек на игру. Это был холодный, жесткий металл. — Хватит прятаться за своими правилами. Дело не в ужине. И не в твоей квартире. Дело в том, что ты слишком много скрываешь.

— Я честен с вами, — возразил я. — Это условие нашей работы.

— В работе — да, — Хоумлендер поднял руку и почти невесомо провел костяшками пальцев по воротнику моего пальто. Жест, который со стороны мог бы показаться заботливым, но от которого у меня перехватило дыхание. — Но не здесь. Ты отгородился от меня. Установил расписание. Потребовал личное время. Очертил границы. Я согласился на них, потому что мне нравится твоя смелость. Мне нравится, как ты пытаешься управлять мной.

Он сделал паузу, его пальцы на моем воротнике сжались, сминая плотную ткань.

— Но я ненавижу закрытые двери, Эван.

В его глазах мелькнуло что-то темное, болезненное, отчаянное. То, что я уже видел на 99-м этаже, когда он заявлял на меня свои права перед Эдгаром. Но сейчас это было острее. Личное.

— Я не переносу, когда не знаю, где ты, — продолжил он, чеканя каждое слово. — Я не могу терпеть мысль, что ты уходишь туда, где я не могу тебя достать. Где ты можешь отключить телефон. Где ты можешь... исчезнуть.

Меня словно ударило током.

Я смотрел на сильнейшего человека на планете, способного лазерами разрезать авианосец, и вдруг кристально ясно понял суть его паники. Это была не обида отвергнутого начальника. И не просто жажда контроля. Это был животный, первобытный страх брошенного ребенка.

Моя профессиональная роль — голос разума, советник, якорь стабильности — незаметно, но необратимо мутировала. Я больше не был просто сотрудником Vought. Я стал его личной зависимостью. Его стабилизатором. И главная угроза для него заключалась не в том, что я отказываю ему во внимании, а в том, что я могу просто перестать существовать в его системе координат.

Люди вокруг Хоумлендера постоянно исчезали. Мэделин Стилвелл. Стажеры. Случайные прохожие, которых он убивал в приступах ярости. Vought постоянно тасовала персонал, прятала концы в воду. Для него человеческие жизни были расходным материалом.

Но он не хотел, чтобы я стал расходным материалом. Он боялся потерять свой якорь.

— Я никуда не исчезаю, — произнес я медленно, тщательно подбирая слова. Я должен был успокоить этот приступ паранойи, не жертвуя при этом своей независимостью. — Я работаю на вас. Вы знаете мой адрес. У вас есть доступ к моей геолокации.

— Геолокация — это просто точка на экране! — рявкнул Хоумлендер, и от звука его голоса в серванте жалобно звякнуло стекло.

Он мгновенно взял себя в руки, глубоко вдохнул, и его лицо снова разгладилось. Но хватка на моем воротнике стала железной.

— Точка на экране не ответит мне, если я спрошу, правильно ли я поступил перед камерами, — сказал он уже тише, почти доверительно. — Точка на экране не скажет мне остановиться, когда мне хочется сжечь всех в радиусе мили. Мне нужен ты, Эван. Живой, настоящий, доступный.

Он отпустил мое пальто и отступил на полшага.

— Ты злишься, что я в твоём доме. Я это слышу. Твой пульс колотится так, будто я приставил пистолет к твоей голове. Но я не собираюсь причинять тебе боль. Я хочу только одного.

Он смотрел на меня сверху вниз, ожидая ответа. Я сглотнул ком в горле.

— Чего вы хотите?

— Обещания, — просто ответил Хоумлендер. — Пообещай мне, Эван, что ты никогда не исчезнешь. Если ты захочешь уволиться, уехать из города, заболеть, спрятаться — неважно. Ты не сделаешь этого молча. Ты не сбежишь. Ты пообещаешь мне, что предупредишь меня о любом своём шаге, который отдалит тебя от меня.

Это была ловушка. Идеально расставленная, психологическая клетка. Он не требовал любви, не требовал абсолютного подчинения в эту секунду. Он просил гарантию того, что я не оставлю его одного в темноте его собственного безумия.

Если я откажусь, он расценит это как подтверждение своих страхов. Его паранойя вспыхнет с новой силой, и тогда он просто запрет меня в башне, не позволяя даже выйти на улицу.

Но если я соглашусь, я добровольно надену на себя ошейник. Я свяжу свою жизнь с его нестабильностью на уровне, который Vought никогда не планировала.

«Выбирай, Эван. Выбирай между иллюзией свободы и выживанием прямо сейчас».

Я посмотрел прямо в его пронзительно голубые глаза, в которых застыло пугающее ожидание.

— Хорошо, — сказал я ровным, твердым голосом. Я вложил в этот ответ всю свою убедительность специалиста по кризисным коммуникациям. — Я даю вам слово. Я не исчезну без предупреждения. Если я решу уйти, уехать или сменить работу, вы узнаете об этом первым. Никаких внезапных пропаж. Никаких тайн за вашей спиной.

Хоумлендер смотрел на меня несколько долгих секунд. Он слушал мой пульс, анализировал дыхание, искал признаки лжи. И, видимо, нашел то, что искал, потому что его плечи расслабились.

На его губах медленно расцвела та самая, настоящая, пугающая улыбка — не для камер, а лично для меня. Улыбка хищника, который только что захлопнул капкан.

— Вот видишь? — мягко сказал он, делая шаг назад, освобождая мое личное пространство. — Это было не так уж и сложно. Честность, Эван. Мы снова вернулись к ней. Я ценю твое обещание. Я действительно его ценю.

Он прошел мимо меня к входной двери. Я почувствовал, как напряжение, сковывавшее позвоночник, начинает спадать. Он уходит. Я выиграл еще один день. Я откупился обещанием.

Хоумлендер взялся за ручку двери, но затем замер и обернулся через плечо.

Свет из коридора упал на половину его лица, скрывая вторую часть во мраке квартиры.

— Кстати, Эван, — произнес он обыденным, почти светским тоном. — Твои замки никуда не годятся. Я пришлю сюда службу безопасности Vought завтра утром. Они поставят новую систему. И да... раз уж мы теперь ничего друг от друга не скрываем и ты не собираешься исчезать...

Его улыбка стала шире.

— Я хочу получить собственный ключ.

<http://bllate.org/book/18410/1759050>